

Сибирские «спецы»

В истории нашей страны было немало страшных и трагических событий. Одним из таких событий, растянувшимся на десятилетия, стало массовое насильственное переселение сотен тысяч семей и целых народов с насиженных мест в необжитые труднодоступные районы страны, в частности и в нашу область в рамках ее современных границ. Практически во всех случаях переселение проводилось без какой-либо предварительной проработки и подготовки, а в случае борьбы с «кулачеством» объяснялось целью «колонизации» новых территорий, и чаще всего силовыми методами.

Первую такую волну составили «кулаки», которых Государство в конце 1920-х годов объявило классом, подлежащим ликвидации в связи с проведением кампании сплошной коллективизации. В Инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» до органов власти на местах доводился механизм реализации поставленной задачи – о выселении и расселении кулаков, конфискации принадлежащего «кулакам» имущества и системе расселения кулацких хозяйств. Руководителям исполнительных органов власти на местах представлялись неограниченные возможности и права. И уже в конце февраля начали формироваться первые группы выселенцев.

Следует заметить, что механизм практической реализации по обеспечивающим мероприятиям в отношении выселяемых «кулаков» начали прорабатывать и доводить до региональных властей только в марте-апреле 1930 года, когда первые обозы и эшелоны уже были в пути. Не были проработаны вопросы питания, оказания медицинской помощи, как в пути, так и в местах расселения, которые, кстати, определялись бессистемно, путем «тыкания пальцем» в карту. Свидетельством этому являются воспоминания одного из непосредственных участников расселения «кулаков» И.Т. Бочарникова: «Обширная территория в средней части этих рек (Чулыма и

Кети. – В.У.) по решению правительства и решению «Комитета Севера» подлежала заселению спецпереселенцами... Основную массу составляли «кулаки» со своими семьями. Но как выяснилось в последний момент, не оказалось топографических карт района предполагаемого расселения. Поставленный об этом в известность И. Долгих (начальник комендантского управления ПП ОГПУ по ЗСК. – В.У.) сделал запрос в ГУЛАГ ОГПУ, откуда получил ответ, что карты со временем будут высланы. А пока было необходимо приступить к выполнению поставленной задачи. Доводы о невозможности расселять тысячи семей без какой-либо ориентации на местности нашли поддержку у Л. Заковского и начались поиски карт в Новосибирске. Вскоре необходимые карты были найдены у вдовы чиновника царского переселенческого управления Г.З. Поливахи, который всю жизнь занимался составлением топографических карт Сибири. Через некоторое время, **когда колонны переселенцев уже дошли до р. Чулым** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), фельдъегерем из представительства были доставлены «топографические карты, поступившие из ГУЛАГа ОГПУ с отметками будущих поселений. ...Уполномоченному указывалось, что необходимо было рассматривать эти отметки как руководство к действию. ...Карты царского чиновника и геодезиста... во внимание не брать».

Расселение началось в соответствии с поступившими указаниями. Все «происходило просто, без особых хлопот и выбора места для будущего села. Бралась «пачка» из трех-четырёх тыс. чел. и подконвойно сопровождалась до отметки ГУЛАГа. На карте с отметкой «новое поселение» значился лес или взгорье, или луг, **а в действительности здесь хлюпало болото**. А в ином месте селение предполагалось ставить **посреди озера**, которое на карте не значилось. ...[Стало] ясно, что карты ГУЛАГа липовые, не соответствуют действительности, составлены наспех». На запрос по рации Новосибирска с очередной просьбой об использовании карт Г. Поливахи был получен отрицательный ответ. Более того, шифровкой было выговорено, чтобы меньше пользовались рацией **«для неразглашения государственных**

секретов», а по вопросам расселения сосланных и снабжении их продуктами питания в Полномочное представительство больше не обращаться.

Подтверждение рассказанному находим в справке Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком о хозяйственном использовании и бытовом устройстве спецпереселенцев в крае, подготовленной не позднее марта 1932 г. В разделе «Переселение» отмечалась необходимость переселения в этом году 10 961 семейства спецпереселенцев по причинам: **недостатка земли – 7 042 (64,1%), непригодности земельных участков – 605 (5,5%), затопляемости – 576 (5,3%), расположении на болоте – 522 (4,8%), отдаленности от места работ – 243 (2,2%), отсутствии у участков производственных перспектив – 1 501 (13,7%), отсутствии воды – 472 (4,4%).**

Чем ниже по властной иерархии проводились мероприятия, тем больше допускалось нарушений и произвола, так как «низовой аппарат» не понимал сути решений «верхов» и действовал по собственному пониманию поставленной задачи, обычным порядком проявляя должное рвение и исполнительность, а в отдельных случаях, опускаясь до простого сведения личных счетов с кем-либо из выселяемых. Неоднократно фиксировались случаи раскулачивания середняков и даже бедноты.

Кампания по раскулачиванию превратилась в перманентную – на годы, чем больше раскулачивали, тем больше новых «кулаков» выявляли. Спускание на места контрольных цифр только способствовало этому.

Готовясь к кампании, Государство предусмотрительно проработало вопросы имущественного характера, без которых было бы невозможно решение поставленной задачи. Так, в начале 1930 г. в стране была создана комиссия по устройству выселяемых кулаков, которую возглавил заместитель председателя СНК СССР В.В. Шмидт. Согласно постановлению комиссии от 11 апреля 1930 г. кулакам, переселяемым в Сибирь, предоставлялась семенная ссуда – 12 тыс. ц пшеницы, овса, ячменя, а также семян огородных культур для засева 2 тыс. га. Согласно этому же

постановлению, переселенцам было отпущено большое количество сельскохозяйственного инвентаря: 7 тыс. плугов, 7 тыс. борон, 40 тыс. кос и т.п.

Более того, по информации Полпреда ОГПУ по ЗСК Л. Заковского не позднее июня 1931 г. в комиссию А.А. Андреева о выселении 39 978 кулацких хозяйств в северные районы края, выселяемые были «обеспечены: 1) месячным запасом продовольствия – в тоннах: муки, сухарей – 1 773, крупы – 100, соли – 586, картофеля – 47; 2) скотом: лошадьми – 14 301 (8 357 временно оставлены в колхозах под сохранные расписки); коровами – 1919 (в колхозах 1 269), быков – 52 (30 в колхозах), овцами – 2 369 (в колхозах – 1 664); 3) фуражом в тоннах: сена – 1 110, овса – 1 132, отрубей – 45, соломы – 586, общего количества по сохранным распискам сдано Союзхлебу – 1 214; 4) сельскохозяйственным инвентарем **в значительной мере мало пригодным** (так в тексте. – В.У.): плугов – 8 448, борон – 6 719, телег – 15 551, сбруи – 1 925, кос – 35 296, серпов – 30 487, молотилок – 87, вил – 141 371, лопат – 18 773, ломов – 758, кирок – 2 035, пил – 13 983, топоров – 28 152, кузнечных инструментов – 1 043, столярных – 3 108, рыболовных принадлежностей – 216».

Однако записка Л. Заковского напоминала «глас вопиющего в пустыне», так как он несколько раз использовал слово «повторяю». Он писал, что «освоение районов вселения и производство посевов, могущих обеспечить всех переселенцев продовольствием, возможно только осенью 1932 г., **повторяю 1932 г.**, но для этого необходимо было обеспечить переселенцев хотя бы минимальным количеством продовольствия, которое исчислялось тысячами и десятками тысяч тонн, о чем заявка из края была направлена. Но для доставки всего этого был необходим кредит в размере 7 млн рублей, **повторяю 7 млн.** Прошу это требование края продвинуть».

Судя по документам, все было предусмотрено, просчитаны минимально необходимые имущество, инвентарь, продукты и т.п., в том

числе на каждого едока, на каждую семью, но не учли вопросы доставки имущества, организации пунктов питания, кормления животных, наличие (отсутствие) кормов и их доставка по маршрутам следования.

Проблема доставки перевозимого имущества, несмотря на ограничения объема вывозимых в ссылку вещей, стала серьезнейшей проблемой. Так, Новосибирский окрисполком 27 февраля 1930 г. направил в крайисполком докладную записку, в которой обосновал невозможность доставить к местам расселения в намеченные сроки почти 5 000 семей переселенцев из Новосибирского и Каменского округов (соответственно 2 964 и 1 938). Для перевозки 578 191 пуда груза требовалось 28 909 лошадей; учитывая пропускную способность, переброску можно было завершить только за 57 дней, тогда как с 15 апреля на севере дороги портятся и проезда нет. При этом требовалось изыскание 227 658 пудов сена и 141 760 пудов овса для лошадей. Задание по переброске «кулацких» хозяйств оказалось нереальным. Более того, выполнение его могло привести к срыву посевной кампании по причине нехватки лошадей.

В другом документе руководители уже Томского округа отмечали, что для нужд кулацких семей только в одно с. Подгорное (Чаинский район Нарымского края) надлежало перевезти ржи, пшеницы, овса и семенных материалов 105 тыс. пудов, без учета того, что у каждой прибывающей семьи было до 30-35 пудов домашних вещей. Необходимые для сопровождения колонн продовольствие и фураж приходилось перевозить на пункты концентрации на 400-500 верст. Опыт первых четырех прибывших эшелонов показал, что **средства передвижения у ссылаемых были в безобразном состоянии.** «У прибывших эшелонов не оказалось лошадей, саней, сбруи – так, в первом эшелоне из 200 лошадей две пали в дороге, 4 непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами, причем, по заявлению прибывших, обмен происходил несколько раз. Эшелоны прибывают без саней, ...в первом

эшелоне оказалось только 85 саней. Многие сани без оглобель, крестовин и т.д.

При таком состоянии средств передвижения не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но даже нельзя перевезти детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50%. Поэтому пришлось оставить в Томске все кулацкое имущество: домашние вещи, продовольствие и проч.

Для перевозки хлеба и фуража, перевозки вещей в пункты концентрации требуется мобилизация около 20 000 подвод (все расчеты сделаны только для переброски натурфондов кулацких х[озяйст]в, проходящих непосредственно через г. Томск), что является громадной дополнительной нагрузкой к заготовкам леса, перевозкам сена, перевозкам Нарымских грузов (рыба, орех) и т.д.

...Кулацкие обозы являются «саранчой» для тех населенных пунктов, через которые они проходят. На остановках они буквально поедают все: фураж, продовольствие. Зброшенные в Нарым без домашних вещей, необходимых запасов продовольствия, они являются кадрами для бандитских шаяк, признаки чего в Нарыме уже налицо».

В силу сложившихся обстоятельств почти все нажитое выселяемыми имущество приходилось оставлять, иногда на простое разграбление выселявшими.

Прибытие на места расселения также не сулило ничего хорошего. Часто не было возможности вырыть даже землянку, так как земля промерзала на большую глубину, не было достаточного количества инструментов, затем наступал период половодья, которое в отдельных районах могло затягиваться до конца июля. Смертность началась еще в дороге, преимущественно детская, здесь же она только росла. И.Т. Бочарников свидетельствовал: «От голода и слабостей многие не могли двигаться, их укладывали на повозки. Многие от

слабости и истощения умирали, их хоронили на обочине дороги, вырывая неглубокие могилы...».

Летом, в основном, жили на подножном корме – питались рыбой, ягодами, съедобными растениями, кедровыми орехами. Зимой, в первый год, питаться практически было нечем. От цинги, тифа и просто от истощения умирали тысячами. Хоронить не успевали и укладывали трупы в штабеля на берегу реки. ...**После первой зимы от сорока тысяч человек лишенцев в живых осталось еще половина. После второй – едва пять тысяч. Подсчет был точный. Я сам посылал сведения... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков – единицы. Детей – никого...**».

С его слов, он пытался хоть что-то сделать, но попытки были тщетны. «Очищая совесть за людскую гибель, выполняя инструкции, я каждую декаду строчил донесения с обозначением числа погибших от тифа, цинги, замерзших и умерших голодной смертью и т.д. Я указывал о необходимости принятия неотложных мер по спасению людей, но полномочное представительство в ответ на мои просьбы хранило упорное молчание».

По данным отдела по переселенцам ГУЛАГа НКВД, только в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 391 026 семей общей численностью 1 803 392 чел. В районы Западной Сибири были выселены семьи из Украинской ССР, Башкирии, Московской и Ленинградской областей (6 556, 5 305, 4 729 и 1 269 семей соответственно), всего 17 859 семей. Еще 52 091 семья были переселены на новые места жительства в пределах региона. Таким образом, число переселенных в крае составило 69 950 семей или 17,9% от общего числа выселенных семей. На 1 января 1932 г. в Западной Сибири на учете состояло 265 846 спецпереселенцев (14,7%), больше было только на Урале – 484 380 чел.

Сибирские историки, составители сборника «Спецпереселенцы в Западной Сибири...», приводят иные цифры. По их данным, «в результате депортаций 1930–1931 гг. в Западной Сибири в комендатурах Сиблага было

размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае – 68 тыс. семей или 284 тыс. чел. Согласно статистики Сиблага, 2/3 спецпереселенцев региона составляли местные, сибирские «кулаки», в северных комендатурах их численность достигала 9/10. Результатом политики государства стало удвоение населения в промышленных районах Кузбасса, в северных районах края население почти утроилось – со 119 до 300 тыс. человек.

Прибытие в край новых контингентов в 1932 г. не произошло по причине отмены руководством СССР ранее запланированных ОГПУ депортаций 38 тысяч хозяйств «довыявленных кулаков» и контрреволюционных элементов, пробравшихся в колхозы и совхозы.

На 1 декабря 1933 г. в Запсибкрае числилось 288 630 переселенцев, в т.ч. старого контингента – 216 731 чел., и нового – 71 899 чел. По северным комендатурам были расселены 174 768 (60,55%) спецпереселенцев. В 1933 г. в Западную Сибирь было завезено 131 955 чел. нового контингента, но еще на 1 сентября 1933 г. почти 40 тысяч из них проходили по убыли (были переданы в лагеря, бежали, умерли, были освобождены и т.д.). Необходимо отметить, что только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев или 82 457 семей, 284 146 чел. (78,22%) из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и в северные районы края. С их водворением население там удвоилось, увеличившись на 114,1%.

В абсолютном большинстве спецпереселенцы представляли собой «кулаков», 60% из которых были сибиряками, а 40% были завезены из европейской части СССР.

Но «невольными сибиряками» становились не только тысячи раскулаченных, сосланных из разных уголков СССР. Государство и в последующие годы продолжило проведение политики колонизации отдаленных мест страны, в частности северных районов Западной Сибири,

куда регулярно направлялись новые контингенты ссыльных. Одними из первых стали «жертвы» очередной, не менее масштабной акции, связанной с введением в 1932 г. паспортной системы, которая по задумке власти, предполагала очистку крупных городов страны от «деклассированного элемента», позволяла выявить контингенты лиц, скрывавшихся от государственных органов по разным причинам, и должна была воспрепятствовать стихийному перемещению по стране многих тысяч людей, бежавших из деревень и сел. Выявленный в ходе паспортизации «деклассированный элемент» подлежал высылке в Сибирь на «перевоспитание», дабы не портить картины социалистических преобразований в стране.

Следует заметить, что в СССР ссылка в Сибирь «деклассированных элементов» была повседневной практикой. Например, в 1929 г. по стране прокатилась кампания по «чистке» городов от нищих и «тунеядцев» и уже во втором полугодии в Сибирь стали поступать первые партии ссылаемых. В августе проследовала партия из 600 чел. для размещения в округах, в сентябре в Томский округ прибыли еще 700 чел. Если в сентябре 1929 г. в Славгородском округе насчитывалось 700 ссыльных, то к началу 1930 г. их было уже 1 078. К этому времени на пересыльных пунктах в Омске, Томске и Новосибирске скопилось 2 774 «социально вредных элементов» из Москвы и Ленинграда. Только в Нарымский край ежемесячно этапировалось до 300–400 уголовников из других городов РСФСР и «разгружаемых» мест заключения. В 1929 г. в край прибыло около 3 тысяч рецидивистов. По данным прокуратуры, к концу года в крае насчитывалось 9 тысяч ссыльных и высланных граждан данной категории.

В августе 1933 г. циркуляр ОГПУ определил порядок применения мер внесудебной репрессии в отношении лиц, нарушавших закон о паспортизации населения. Вне всякого сомнения, этот документ родился не на пустом месте, причина его появления крылась в многотысячном потоке

жалоб и обращений по фактам проведения массовых облав и неправомерной отправки в Сибирь, творимый произвол противоречил здравому рассудку. Возможно, такой документ появился бы раньше, либо он был бы принят на более высоком уровне, если бы стала известна трагедия, разыгравшаяся весной – летом 1933 г. на одном из островов р. Оби – Назинском. Можно лишь предполагать.

В результате мероприятий по паспортизации в апреле-мае 1933 г. на Томской пересылке скопилось до 25 тыс. чел., высланных из других регионов СССР. Многие были больны, истощены, плохо одеты. По мере очистки рек ото льда сосланных начали грузить в баржи и отправлять по местам расселения в северные районы Нарымского края. Более 6 тысяч были направлены на расселение в Александро-Ваховскую комендатуру, где условия приема были абсолютно не подготовлены. По маршруту следования караван из 2 барж останавливался только по крайней необходимости. Почти 5 тыс. чел., находясь в непригодных для перевозки людей баржах, не имели возможности выхода на свежий воздух, в трюмах были только кадки с питьевой водой и параша. Никакие предметы хозяйственного обихода – кружки, ложки, чашки и т.п. выданы не были. В дороге от Томска до места назначения умерли 34 чел. Таково же было положение и у двигавшихся вторым эшеломом 1 044 чел.

18 мая первые баржи высадили переселенцев на небольшом острове Назино «против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского края)». Согласно докладу начальника Сиблага ОГПУ Горшкова в Москву решение о высадке на остров было принято комендатурой по «настоянию районных организаций... вопреки указанию Сиблага» о размещении ссылаемых в заранее подготовленных пунктах. Погода была солнечная, теплая и люди разбрелись по острову. На следующий день выпал снег глубиной до четверти, поднялся ветер, ударил мороз. У высаженных на острове не было

никаких инструментов, чтобы сделать хоть какое-либо убежище, многие были в легкой одежде, так как были привезены из мест, где уже было тепло, от ненастья пытались спастись кострами, но это помогало мало. После снега и мороза пошли холодные дожди. Такая погода держалась до середины июня. Необходимо учесть, что первое питание – ржаную муку, начали выдавать только на четвертый или пятый день, до этого люди ели мох, гнилушки, кору. «Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели её. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке): падали и задыхались, умирали от удушья». Только отдельные пекли лепешки на костре.

Смертность была очень высокой, люди умирали десятками. К 20 августа из 6 100 чел., не считая 500-700 чел. (точных данных нет), дополнивших караван в пути следования, в живых осталось 2 200 чел. На острове имели место случаи людоедства – «людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами». В акте медицинского обследования сосланных отмечалось, что при обходе острова были обнаружены «70 трупов, среди которых были ...5 трупов с вырезанными мягкими частями тела, из них с вынутыми и не найденными человеческой печенью и сердцем, легкими... 21 мая 1933 г. к медпункту были доставлены самими уголовными 3 человека с человеческими печенями в руках и вымазанные кровью.

Физическое состояние этих трех лиц не обнаруживало большой степени истощения, но по внешним признакам можно было отметить некоторые признаки дегенерации».

На острове процветало мародерство – «банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая... хлеб, одежду, избивая и убивая людей. ...На острове открылась настоящая охота... за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами». В мародерстве участвовали и некоторые из стрелков охраны.

В конце мая людей стали отправлять на участки, отведенные под поселки. Но и это не было организовано, не было инструментов, продуктов питания. Истощение поселенцев достигло предела. Когда на один из участков пришла лодка, то в ней оказались живыми только 12 человек из 78...

К 1933 г. относится еще одно событие – была предпринята попытка создания цыганских трудпоселков из числа тех, кто кочевал в Подмосковье. В результате проведенной в период с 28 июня по 9 июля 1933 г. операции по выселению цыган из окрестностей Москвы, было «изъято и выселено 1 008 семей, 5 479 человек, в том числе 1 440 мужчин, 1 506 женщин, 2 524 детей. Весь указанный контингент направлен в гор. Томск в трудпоселки ОГПУ Запсибкрая, где будет расселен в отдельных поселках по национальному признаку...». Для перевозки цыган были сформированы пять эшелонов, куда погрузили весь цыганский скарб и даже лошадей. Но задуманная идея провалилась, так как цыгане не желали обживать в местах ссылки и при первых возможностях совершали массовые побег. Уже к осени 1933 г. практически все цыгане бежали.

Еще один поток представляли лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы. В связи с перегруженностью последних было принято постановление СНК СССР от 11 марта 1933 г. о разгрузке пенитенциарной системы за счет высылки уголовного элемента.

Что касается Западной Сибири, то по инициативе местного партийно-советского руководства в 1935 г. была проведена локальная депортация, едва ли не единственная на всю страну. Весной 1935 г. руководство края добилось принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б), разрешавшего проведение акции по выселению в северные районы края единоличных хозяйств, «саботировавших» весенний сев. Акции устрашения были проведены в трудпоселках. А осенью 1935 г. за саботаж хлебосдачи и других мероприятий по предложению секретаря крайкома Р. Эйхе из Колыванской комендатуры в

отдаленные северные районы были переселены 94 семьи в составе 460 трудпоселенцев. Всего осенью 1935 г. в крае переселению подверглись 218 семей трудпоселенцев.

После 1933 г. депортации стали резко сокращаться и на протяжении нескольких лет носили ограниченный характер. Новые контингенты и новые потоки спецпереселенцев появятся в Сибири после расширения границ СССР – «осадники», «беженцы», «административно-ссылные» из Прибалтики, районов Западной Украины и Бессарабии. Уже к марту 1940 г. первые 200 семей «осадников» были размещены на лесозаготовительных участках Асиновского леспромхоза, а в июле в систему Томасинлага поступило 18,5 тыс. человек спецпереселенцев. Следующая волна «невольных сибиряков» – почти 8 тыс. человек – прибыла в область в конце июня 1941 г., когда началось исполнение постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». С началом Великой Отечественной войны, по мере продвижения фашистских войск вглубь страны, была ликвидирована АССР немцев Поволжья и в г. Томск прибыли эшелоны с выселенными лицами немецкой национальности. В последующие годы в области были расселены выходцы из Калмыкии, кулаки из Прибалтики, иеговисты из Молдавии и представители некоторых других народов. В справке УМВД по Томской области отмечалось, что за 1941-1949 гг. только в сельхозартели районов области было вселено 28,4 тыс. человек нового контингента – немцев, калмыков, литовцев, латышей, турок и др., что в некоторых районах составило до 50% от всего населения в сельскохозяйственных артелях. По данным УМВД по Томской области на сентябрь 1953 года, на территории области находились 58 010 человек спецконтингентов более 20 национальностей. Достаточно обширный материал по этому периоду был подготовлен авторами сборника «Из истории земли Томской» – «1940-1956. Невольные сибиряки».

За годы существования института «спецпереселения» использовались разные термины – «спецпереселенцы», «спецпоселенцы», «трудпоселенцы», «спецконтингент», вновь «спецпереселенцы», но часто, в обиходе, звучал термин «спецы». Именно руками этих «спецов» были построены сотни километров дорог в тайге, среди болот, десятки промышленных предприятий и иных объектов инфраструктуры, новые населенные пункты. Когда-то немилая и страшная, труднопроходимая и необжитая территория, сегодня для их потомков стала своей «малой Родиной», развитым промышленным, научным и культурным центром Западной Сибири.

Написание этого предисловия не случайно. Сотрудники Центра изучения исторической памяти при участии ученых, специалистов, краеведов начали работу над новым проектом – «Сибирские «спецы»», в котором постараются, по возможности, назвать имена всех тех, чья жизнь оказалась связанной с их насильственным переселением в нашу область (в рамках современного административно-территориального деления). Для чего мы хотим назвать их имена? Во-первых, помочь тем, кто не знает куда и как обратиться для получения необходимой информации о своих родных и близких, иных дополнительных сведений, могущих представлять интерес, в частности, для изучения своей родословной и т.п. Во-вторых, получить более полную картину потоков расселения спецпереселенцев по районам области, исходя из их национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения и т.д. с учетом событий тех лет и проводимой государством политики. В-третьих, рассмотреть вопрос реабилитации спецпереселенцев, выявить причины не развертывания этой работы в полной мере. В-четвертых, внести, наконец, ясность в вопрос численности спецпереселенцев, сосланных в нашу область. К сожалению, этот вопрос не праздный, так как на протяжении лет, в частности, в ряде СМИ, в отдельных работах краеведов и исследователей этой темы называются завышенные (возможно в разы) цифры, на наш взгляд, ни в коей мере не соответствующие действительности. В-пятых, восстановить социальную справедливость в отношении наших

соотечественников, подвергшихся репрессии в виде ссылки и переселения в силу каких-либо политических целей и замыслов со стороны Государства, путем опубликования их имен.

За последние десятилетия вышло значительное число исследований и работ, посвященных теме спецпереселения в целом, в том числе и в нашу область, и судьбам отдельных народов или конкретных спецпереселенцев, в частности. Наша работа позволит дополнить, уточнить и конкретизировать уже сделанное, расширить горизонты дальнейшего изучения этой темы и судеб тысяч спецпереселенцев, ставших «невольными сибиряками».

В настоящее время сделаны первые шаги, достигнута договоренность с держателями информации (Госархивом Томской области, Информационным центром УВД Томской области) по работе с их архивными фондами, отработана методика обработки архивных дел, комплектуется группа из числа студентов с профильной подготовкой для непосредственной работы с делами.

Работа предстоит сложная, кропотливая. В большей степени это связано с установочными данными переселенцев, когда в деле постоянно приходится сталкиваться с разночтением фамилий, имен, дат рождения, указанием мест рождения. Последние часто, видимо, записывались на слух, либо с ошибками в силу сложности восприятия названий населенных пунктов, районов. По прошествии лет устанавливать их сложно, т.к. отдельных населенных пунктов уже нет вообще, в других случаях произошли их переименования, изменилась территориальная принадлежность.

Сегодня мы называем первых 579 человек, дела в отношении которых уже обработаны. Данные по ним расположены в алфавитном порядке. По той причине, что на взрослых членов семьи практически всегда заводились отдельные дела, называем имена детей, сосланных с ними (по некоторым тоже есть отдельные дела, их имена выделены курсивом). По причине разбросанности дел это позволит получить детальную картину в отношении

каждой семьи переселенцев. По мере наработки новых данных список будет обновляться.

Кроме того, планируется подбирать и публиковать материалы, имеющие отношение к теме спецпереселенцев, от уже известных до выявленных в ходе работы с архивными материалами.

Начиная эту работу, рассчитываем на поддержку и понимание, в первую очередь, тех, кто каким-либо образом связан с судьбами спецпереселенцев, готовы принять уточнения, дополнения, воспоминания, предметы и документы. Все это будет использовано в работе над нашей электронной книгой (с надеждой опубликования ее в будущем), в будущих экспозициях Томского областного краеведческого музея и его филиалов. Ведь дольше всего живет память.

Ждем Ваших откликов.

С уважением,

заместитель директора Томского областного краеведческого музея по работе с мемориальным наследием – заведующий Центром изучения исторической памяти, доктор исторических наук – В.Н. Уйманов